

НЕ СКРЕБИТЕ ХИПСТЕРА: ИСТИНА, СЕКС, ПИЩА И СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ¹

МИХАИЛ ЛОТМАН

(Тарту. Тартуский университет; Таллинн. Таллиннский университет)

Резюме

Глобализация заставляет отбрасывать многие важные установления и запреты традиционных обществ, наиболее существенные из которых связаны с едой, сексом и браком. Еда и секс являются не только биологическими, но и культурными трансакциями, лежащими в основе социальной идентичности. Современное (западное) общество разрушает традиционные представления, но имплицитно устанавливает новые запреты, иногда более жесткие и с биологической точки зрения труднее объяснимые, чем ранее отвергнутые.

В каждой культуре — как в архаичной, так и современной — существует потребность в самоанализе и самоописании. Эта имплицитная культурология представлена мифами и ритуалами, а также различного рода нормами и запретами, подчиняющимися бинарной логике. В основе нормативности лежат такие оппозиции, как *живое — неживое, люди — животные, смертные — бессмертные (духи, боги), правильное (культурное) — неправильное (дикое)* и т. п. — в конечном счете: *мы — они*. При этом левые члены оппозиции интегрируются в единое целое: *мы* —

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Эстонского научного агентства (Eesti Teadusagentuur, проект PUT1231).

это *люди, живые, смертные, правильные*; в то же время правые члены не составляют единого целого, например, *животные* или *боги* могут быть как *правильными*, так и *неправильными* и т. п. Важно подчеркнуть, что приведенные оппозиции являются своего рода культурными универсалиями; различия между архаичными «примитивными» обществами и самыми современными цивилизациями заключаются не в наличии или отсутствии этих противопоставлений, а в их различной интерпретации и степени эксплицитности. Антропологу, изучающему механизмы первобытного мышления не обязательно отправляться в джунгли Амазонии или Папуа-Новой Гвинеи, иногда бывает достаточно открыть интернет.

Наиболее фундаментальные культурные запреты и нормы связаны с приемом пищи и половой сферой. При этом, как показал целый ряд исследователей (К. Леви-Стросс и др.), дело не идет о двух независимых системах запретов: половая и, в первую очередь, матримониальная сфера неразрывно связана с гастрономической.

Пищевые и сексуальные нормы строго кодифицированы в Торе и, соответственно, в Ветхом завете Библии, и в этом — одно из существенных отличий Ветхого Завета от Нового. Неправильный секс и неправильная пища недопустимы для народа Божьего, они характеризуют чужаков.

Первый же завет, данный Богом Аврааму, касается половой сферы:

Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамением завета между Мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий мужеского пола <...> Необрезанный же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего, он нарушил завет Мой (Быт 17: 10-14).

Обрезанный половой член является, во-первых, знаком принадлежности к народу Божьему, отличающим его обладателя от язычника, и, во-вторых, знаком покорности Божьей воле. Уже у пророков обрезание плоти часто понималось как внешнее выражения гораздо более существенного — обрезания сердца: «обрежьте грубость сердца вашего, и выи вашей не ожесточайте» (Иер 7: 26).

Связь (обрезанного) детородного члена с Богом просматривается и в следующем не вполне прозрачном для понимания эпизоде. Авраам отправляет раба на поиски правильной жены для своего единственного сына. Это исключительно ответственное задание — дело идет не просто об одной женитьбе, а о самом существовании народа Божия. Авраам берет с раба торжественную клятву, но до этого велит ему сделать нечто странное:

И сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его, управлявшему всем, что у него было: положи руку твою под стегно мое и клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою, и возьмешь жену сыну моему Исааку (Быт 24: 2-4).

Стегно на церковнославянском — это бедро или бедренная кость (в Торе смысл тот же). Куда же в таком случае должен был раб положить свою руку? Толковая Библия Лопухина дает, на мой взгляд, не слишком убедительное объяснение:

Это — довольно необычная форма клятвы, которая еще раз встречается в той же книге Бытия XLII, 29. Из различных объяснений ее смысла, наиболее удачным должно признать то, которое видит в ней символ клятвы на мече, который, как известно, носят при бедре. Клявшийся таким образом этим самым как бы говорил: если я нарушу клятву, то пусть меня поразит меч [Лопухин 1904: 143].

Дело, однако, в том, что о мече Авраама в Библии ничего не говорится, а руку раб должен положить не при бедре, а под бедро

(у Авраама был нож, но его, во-первых, не обязательно носят «при бедре», а, во-вторых, клятва на ноже не менее загадочна, чем клятва под стегном).

Еврейские авторитеты предлагают два других толкования. Их резюмирует рав Овадья Климовский [Климовский 2011]. Согласно первому, приписываемому Бен Эзре, Авраам сидит, а раб подсовывает ему в знак покорности руку под бедро. Более убедительным представляется, однако, другое объяснение: «При определенных видах клятвы в суде также следует держаться за какой-нибудь сакральный предмет, например, Свиток Торы или тфиллин»; в данном случае этим сакральным предметом является обрезанный детородный орган. Таким образом, здесь явлен примерно следующий семантический комплекс. Авраам в знак безусловной верности истинному Богу сделал обрезание, в результате чего его детородный орган становится сакральным предметом. Прикосновение к сакральному предмету при клятве Господом, Богом неба и Богом земли, должно служить гарантией того, что раб, будучи верным Аврааму, а через него и самому Богу, приложит все усилия, чтобы доставить Исааку истинную невесту (т. е. не из среды язычников-хананеев).

Близкое, однако существенно упрощенное толкование, опускающее сакральное значения обрезания, дает и комментарий к католической Библии: «Присяга считается нерушимой в силу прикосновения к органам передачи жизни, которые рассматриваются как священные» [Библия 1973: 1863].

Итак, уже в первой книге Библии половая сфера неразрывно связана с истиной, причем истиной, божественной по своему происхождению. Последнее, однако, не обязательно, у истины могут быть и чисто земные истоки. В Риме, выступавшие в суде свидетели в знак истинности свидетельства могли держаться за свои тестикулы. Каламбурные шутки на тему связи свидетельств с мужскими яичками были довольно распространены; кажет-

ся, в наиболее развернутом виде она представлена у Плавта в начале комедии «Куркулион»:

Palinrvvs

Ego item volo.

Ita tuom conferto amare semper, si sapis,

Ne id quod ames populus si sciat, tibi sit probro.

Semper curato ne sis *intestabilis*.

Phaedromvs

Quid istuc est verbi?

Palinrvvs

Caute ut incedas via:

Quod amas amato *testibus* praesentibus.

(Curculio I, 1; курсив мой. — М. А.)

[Plautus 2010: 8].

В русском переводе А. Артюшкова каламбур теряется и приведенный отрывок звучит совершенно невразумительно:

Палинур: Я того ж хочу.

С любовью так устраиваться следует,

Чтоб не было какого нареkania,

Узнается — не вышло бы бесчестия.

Федром: Что это значит?

Палинур: То, чтоб осторожней быть.

Люби всегда открыто, на глазах у всех [Плавт 1997].

Трудно понять, как же Палинур рекомендует заниматься любовью: так, чтобы никто не узнал, или, напротив, на глазах у всех. Английский перевод передает смысл довольно точно: сексом (с проституткой) нужно заниматься не без свидетелей (т. е. при свидетелях), хотя каламбур и здесь не удастся воспроизвести:

PALINURUS: My own wish, too! If you're wise, sir, you'll always so govern your affections as not to have your love affairs disgrace you, in case people get wind of them. Always look out you don't lose your power to bear *witness as a man*.

PHAEDROMUS: What do you mean?

PALINURUS: Be careful—stick to the open road. Love your love, but don't lose your *witnesses*!

(переводчик Robert W. Cape, Jr.; курсив мой — М.Л.)
[<http://artemis.austincollege.edu/acad/cml/rcape/comedy/1-1.html>].

В оригинале — игра слов: 'потерять свидетелей' и 'остаться без тестикул'; английский переводчик возвращается к этимологическому значению яичек: *testis, testiculus* — свидетель (мужественности). Но *testis* у Плавта, одновременно, не просто свидетель, но свидетель в суде (в данном случае, скорее лжесвидетель). Все это создает довольно сложную конструкцию, в которой каламбуром соединены секс и закон (и возможное наказание, метафорически обозначенное как потеря свидетелей /тестикул).

При всех очевидных различиях между библейским отрывком и цитатой из Плавта их объединят то, что столь энергично заявленная связь половой сферы с истиной не имеет под собой никаких рациональных оснований. Но это не значит, что их в принципе не может быть. В качестве иллюстрации рассмотрим короткий отрывок из ксенофоновского «Анабасиса», где эта связь рационально аргументируется.

При проходе через страну дружественных моссинойков элинам показали откормленных сыновей богатых родителей, упитанных вареными каштанами, изнеженных, чрезвычайно белых и почти одинаковых в высоту и ширину; спины их размалеваны, а спереди они сплошь покрыты татуированными цветами. Они хотели на виду у всех сойтись с гетерами, которых вели с собой элины, ибо таков у них обычай. Все, как женщины, так и мужчины, у них белы. Элины, совершавшие поход, говорили о моссинойках, что это самый варварский из всех народов, через земли которых они проходили, и наиболее чуждый элинским обычаям. Ибо они делали на людях то, что другие совершают только наедине, а наедине вели себя так, как другие ведут себя на людях: разговаривали и смеялись сами с собой и плясали где попало, словно показывая свое искусство другим [Ксенофонт 1951: 139].

Греческие наемники, совершив тяжелейший переход через горы, преследуемые персидской армией и подвергаясь жестоким нападениям горских народов, вышли, наконец, к морю и встретились с дружественным народом, который, однако, согласно мнению эллинов, являлся из всех встреченных наиболее чуждым и варварским. Причина столь неожиданно резкой оценки заключается главным образом в сексуальных обычаях моссинойков, в их социальном поведении. Определенную роль, вероятно, играла и их пища, для приготовления которой моссинойки вместо оливкового масла использовали дельфинью ворвань (из всех встреченных греками народов лишь кухня наиболее чуждых им моссинойков удостоилась подробного описания). Также важен их внешний вид и цвет кожи (белый). Ксенофонт имплицитно дает формулу ксенофобии, включающую секс, пищу и цвет кожи.

Перейдем теперь от времен отдаленных к временам не столь отдаленным. Вот короткий отрывок из начала «Собачьего сердца»:

Что они там вытворяют в Нормальном питании — уму собачьему непостижимо. Ведь они же, мерзавцы, из вонючей солонины щи варят, а те, бедняги, ничего и не знают. Бегут, жрут, лакают.

Иная машинисточка получает по IX разряду четыре с половиной червонца, ну, правда, любовник ей फिल्деперсовы чулочки подарит. Да ведь сколько за этот फिल्деперс ей издевательств надо вынести. Ведь он её не каким-нибудь обыкновенным способом, а подвергает французской любви. С... эти французы, между нами говоря. Хоть и лопают богато, и всё с красным вином. <...>. Дрожит <машинисточка. — М. Л.>, морщится, а лопает... Подумать только: 40 копеек из двух блюд, а они оба эти блюда и пятиалтынного не стоят, потому что остальные 25 копеек завхоз уворовал. А ей разве такой стол нужен? У неё и верхушка правого лёгкого не в порядке и женская болезнь на французской почве, на службе с неё вычли, тухлятиной в столовой накормили [Булгаков 1988: 142].

Разумеется, приведенный отрывок не может рассматриваться в качестве документального свидетельства — текст художествен-

ный, и повествование ведется от лица собаки. Следует, однако, подчеркнуть, что «собачий дискурс» у Булгакова имеет целью не остранение (как в «Холстомере»), а, напротив, типизацию: Шарик — персонаж не толстовский, а, условно говоря, зощенковский. Антропоморфизация собаки симметрично отражается в дегуманизации общества. Насквозь лживый полунищенский быт характеризуется столовской тухлятиной, которую не едят, а по-звериному жрут, лакают, лопают, и унижительной сексуальностью. Своя безрадостная жизнь дополняется французскими извращениями: хорошую пищу французы портят красным вином; французской любви не предаются, а подвергаются.

Такая сексуально-гастрономическая ксенофобия — явление широко распространенное: представители несимпатичной национальности и едят неправильно, и половым извращениям предаются (макаронники, лягушатники, козо..бы; сифилис называли французской — реже немецкой — болезнью), в то время как у нас половые извращения — явление чуждое, а иногда и специально с враждебными целями занесенное.

Сатирик Михаил Задорнов под конец жизни занялся изысканиями в области истории, языкознания и политологии, демонстрируя во всех этих областях свою патриотическую гражданскую позицию, проявлявшуюся главным образом в антиамериканизме, а после 2014 года — и в антиукраинизме. Не обходит он вниманием и гастрономическую тематику: «Самая короткая шутка про Америку: “Макдоналдс” — это ресторан»; украинцам: «А вам, когда вступите в ЕС, сало запретят! Вы понимаете, что будет с Украиной?! Вам будут из Голландии сливать сало — “обессаленное” и обезжиренное!».

А вот его развернутый пассаж об Америке и ее политических деятелях:

Не стоит удивляться такой реакции Хиллари Клинтон <на убийство Каддафи. — М. Л.>. Общеизвестно, что она не просто лесбиянка, а из воинствующих. Каждая лесбиянка, попадающая во власть,

мечтает ни в чём не уступать мужикам. Как бы свирепы те ни были, лесбиянки во власти всё равно будут свирепее, потому что они постоянно подогреваются комплексом Евы, сотворённой из ребра мужика. Правда, в отличие от мужиков, станут кошмарить любого с очаровательной ботекснутой улыбкой, которой впору «очаровывать» диких тигров.

Может, поэтому в США подряд два госсекретаря — лесбиянки. США это выгодно. В их сердцах, как и в улыбках, нет любви, поскольку они лишены главного смысла жизни женщины — заботы о доме, о семье.

Зато Хиллари Клинтон, Кондолиза Райс, Мадлен Олбрайт — и есть настоящие лица Америки. Приветливые, улыбчивые, но за улыбкой — жало.

Гадюки человечнее. Они не убивают с улыбками и не расправляются со своими врагами из желания что-то отнять. Гадюки жалят, обороняясь, и при этом... не улыбаются.

Символом Америки, даже её гербом можно сделать улыбающуюся гадюку. Причём гадюку, улыбающуюся по кодексу Карнеги. Политкорректная гадюка! [Задорнов 2011].

Особенность задорновских текстов заключается в том, что и свои научные изыскания, и политические декларации он выражает теми же стилистическими средствами, что и эстрадные выступления. Однако это не значит, что они «невсерьёз», как утверждают его апологеты, душевный надрыв его текстов заставляет вспомнить некоторых героев Достоевского, они — по ту сторону серьёзного. Оставим без внимания фактологическую сторону дела, а также обычную для такого рода дискурса мизогинию и нападки на политкорректность. Сосредоточимся на том, как *они* дегуманизируются. Дегуманизация проводится, во-первых, по линии *естественное (истинное) — неестественное (ложное)*: ботекс, гомосексуализм, обманчивые улыбки; во-вторых, по линии *люди — животные*: гадюки. С риторической точки зрения здесь

интересно, что Задорнов использует довольно редкий прием, который я называю усиленным коммутативным сравнением. Обычное сравнение асимметрично: если вы сравниваете NN со свиньей, то это означает, что вы находите у него свойства свиньи, но не то, что у свиньи вы обнаруживаете качества, характерные для NN. При коммутативном же сравнении отношения между сравниваемыми симметричны, а при усиленном появляется вторичная асимметрия: глядя на свинью, вы видите NN и понимаете, что он еще хуже. Как выглядит улыбающаяся гадюка? Как выглядит политкорректная гадюка? Одновременно с анимализацией человека происходит гуманизация животного: «гадюки человечнее».

И, в заключение, несколько современных картинок. Один из мифов современной западной культуры заключается в прогрессе в социальной сфере: мы свободнее, у нас меньше табу, мы ответственнее, в нас больше социальной эмпатии и т. п., в конечном счете, мы — умнее. Еще недавно мы не понимали ситуацию с экологией, не сочувствовали пушным зверькам, осуждали гомосексуалов и т.п. Теперь все эти дикости канули в прошлое. То, что в общественном сознании происходят постоянные изменения — бесспорно, бесспорно и то, что сумма знаний постоянно увеличивается, что не может не влиять на настроения в социуме.

Начнем с еды. С одной стороны, идет постоянный процесс обогащения меню, в том числе, и экзотическими продуктами, приготовленными по инокультурным рецептам. Глобализм в Европе — это не Макдональдс и кока-кола, а скромный китайский ресторанчик, где европеец с удовольствием поедает пищу, от которой всего несколько поколений назад он бы с отвращением отказался. Современный культурный человек читает содержащиеся в Библии диетические предписания с чувством недоумения и превосходства: зачем отказываться от устриц или хорошей свиной отбивной?

Однако «освобождение еды», равно как и «освобождению секса» происходит на фоне параллельного процесса появления новых запретов и ограничений, не связанных, как правило, напрямую с религиозными предписаниями. Причем дело может идти как об индивидуальных самоограничениях, так и о групповых, а нередко и о целых движениях. Так, можно по моральным или идеологическим соображениям бойкотировать продукты той или иной страны или фирмы (например, потому что там используется детский или рабский труд). Причины могут быть и политическими, как, например, ритуальное выливание в канализацию французских вин в Нью-Йорке на волне патриотических настроений во время иракской войны или бульдозерное уничтожение «санкционной» пищи в России. Причины могут быть медицинскими, эстетическими и т.п. Так, только среди моих ближайших родственников есть «отказники» от сахара, от продуктов, содержащих глютен, от мяса интеллигентных животных, от пальмового масла (в знак солидарности с орангутанами), от алкоголя, от генетически модифицированных продуктов — и это далеко не полный список. Спектр новообразуемых запретов исключительно многообразен. Например, отказ от мяса может иметь различные формы, а в случае с веганизмом дело идет о быстро развивающемся пара-религиозном движении со своей идеологией и догматикой. Когда в разных частях Индии религиозные фанатики убивают мусульман за потребление говядины, это может быть списано на первобытную дикость. Но когда веганы во Франции вандализируют мясные лавки и оскорбляют их покупателей — дело идет о самых новых и прогрессивных веяниях.

Теперь о сексе. «Освобождение» было одной из важных тем, связанных с сексом в европейской и североамериканской культуре XX века. Действительно, многие табу были отброшены, многие запрещенные ранее практики разрешены. Человек свободен в определении своей сексуальной ориентации. Гомосексуализм был уголовно наказуемым преступлением, каравшимся подчас

смертной казнью, прошел стадии греха и психического расстройства и стал одной из сексуальных норм. Заметно снизился и продолжает снижаться и градус гомофобии в обществе. Однако сексуальная нетерпимость никуда не делась, но плавно переключается на другие объекты. Например, на педофилию. Одной из важных побед ЛГБТИ-сообщества в дискурсивной (а заодно и в законодательной) сфере является доказательство того, что педерастия к педофилии не имеет никакого отношения — это лишь домыслы гомофобов. Существенно расширилось понимание изнасилования и сексуальных домогательств, особенно в связи с #MeToo — поведение, считавшееся еще недавно вполне допустимым, становится морально неприемлемым, если не уголовно наказуемым. Сексуальность из сферы действия переходит в дискурсивную сферу (начало этому процессу положил еще Фрейд, хотя цели его были совершенно иными).

Пару лет назад тогда магистрантка Колумбийского университета, а сейчас московская журналистка Катя Казбек опубликовала в фейсбуке текст, который быстро приобрел значительную популярность. Катя Казбек училась по специальности «литературное творчество»; вот как она описывает свою учебу:

[М]ы все постоянно ищем себе преподав, которые бы находились вне белой, гетеросексуальной, цисгендерной мужской парадигмы. За полтора года учебы у меня сменилось куча преподав, из них только три были белыми более-менее стрэйт/цис мужчинами. <...> Остальные же все мои препода, которые полностью изменили картину мира и сделали человеком — женщины, афроамериканцы, азиаты, латино, геи и лесбиянки, по отдельности и вместе. Потому что я — пансексуальная женщина смешанных кровей из незападной страны, оказавшаяся в западной, я много пишу о женщинах, об ЛГБТИ персонажах, о неспособности вписаться в контекст, о том, каково быть “другим”, и я не вижу смысла посещать лекции, семинары и воркшопы преподав, которые этого на себе не испытывали и об этом не задумывались. То же самое думает и большое количество моих однокурсников. <...> А выбирая класс, который я буду посещать в следующем семестре, я обращаю внимание на то,

сколько в списке литературы книг авторов, не являющихся белыми, цисгендерными, гетеросексуальными мужчинами [Kazbek 2015].

Там еще много поучительного, но ограничимся этим. Первое, что я должен в этой связи заметить, что возможность поиска и выбора преподавателя в соответствии с собственными интересами и предпочтениями — общая тенденция, и, будучи сам университетским преподавателем, оцениваю ее положительно, особенно если дело идет о магистрантах и докторантах. Другое дело — параметры поиска. Впрочем, тут многое зависит от специальности. Если это, скажем, квантовая электродинамика или даже историческая фонология, то подыскивание преподавателя, исходя из его расово-гендерных признаков — едва ли самое продуктивное занятие. Но, вероятно, в некоторых «мягких» дисциплинах и такой подход возможен и оправдан. Как бы то ни было, приведенный текст призван, помимо прочего, демонстрировать стиль современного культурного мышления, выламывающегося из рамок навязанных стереотипов.

Однако так ли это? В качестве контрольного эксперимента возьмем этот самый текст и поменяем значения некоторых переменных (поскольку это искусственный пример, отмечаем его астериском):

*Мы все постоянно ищем себе преподавателей, которые бы находились вне цветной, гомосексуальной, феминистской парадигмы. За полтора года учебы у меня сменилось куча преподавателей, из них только три были цветными более-менее гомосексуальными женщинами. <...> Остальные же все мои преподаватели, которые полностью изменили картину мира и сделали человеком — мужчины, европейцы. Потому что я — белый цисгендерный мужчина и т. д.

Не приходится сомневаться в том, что гипотетический автор этого возмутительного заявления вынужден был бы покинуть Колумбийский университет уже через несколько дней, если не часов после его публикации. Но так ли этот текст отличается от исходного? Да, смысл его противоположен, но не структура по-

родившего его сознания. *Мы* — это общность, основанная на этно-сексуальных стереотипах, определяемых признаками *±белый*, *±гетеросексуальный*, *±цисгендерный*, различие между порождаемыми сообществами лишь в том, с каким знаком выбирается тот или иной признак для (само)идентификации. Под слоем модной терминологии скрывается все то же трайбалистское мышление. Дополнительный курьез заключается в том, что подобного рода борцы с бинарными гендерными классификациями находятся в плену бинарного мышления едва ли не в большей степени, чем те, против кого они борются.

Поскреби хипстера — найдешь троглодита.

Литература

Библия 1973 — Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с приложениями. Брюссель: Жизнь с Богом, 1973.

Булгаков 1988 — *Булгаков М. А. Собачье сердце* // Булгаков М.А. Ханский огонь: Повести и рассказы. М., 1988.

Задорнов 2011 — Михаил Задорнов: нашего президента можно считать соучастником убийства Каддафи? // <https://kprf.ru/international/98273.html> (проверено 23.01.2019).

Климовский 2011 — Отвечает рав Овадья Климовский // https://toldot.ru/urava/ask/urava_6899.html (проверено 23.01.2019).

Ксенофонт 1951 — *Ксенофонт. Анабасис* / Перевод М. И. Максимовой. М., 1951.

Лопухин 1904 — Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под редакцией А. П. Лопухина. СПб., 1904. Том 1: Пятикнижие Моисеево.

Плавт 1997 — Плавт Тит Макций. Куркулион / Перевод с латинского А. Артюшкова // Плавт Тит Макций. Собрание сочинений: В 3-х т. М., 1997. Т. 2.

Kazbek 2015 — Katya Kazbek. //

<https://www.facebook.com/kazbek/posts/10153788712470941?fref=nf>
(проверено 23.01.2019).

Plautus 2010 — T. Macci Plauti Comoediae. Curculio. Cambridge, New York
etc.: Cambridge University press, 2010.